

НЕВИДИМЫЕ ЛИНЗЫ

О том, что влияет на взгляд и выбор

Роман Мингазов

Роман Мингазов

Невидимые линзы

«Автор»

2026

Мингазов Р.

Невидимые линзы / Р. Мингазов — «Автор», 2026

Почему мы иногда принимаем страх за разумный выбор? «Невидимые линзы» — книга о том, как сценарии, привычные реакции, прошлый опыт, окружение и внутренние потребности влияют на наше восприятие и решения. Автор предлагает замечать то, что обычно остаётся за пределами внимания, задавать себе другие вопросы и расширять пространство выбора — без готовых рецептов, но с опорой на наблюдение и честный диалог с собой.

© Мингазов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рецензия	5
О чём эта книга	6
Когда страх говорит голосом разума	7
Воздух, которым мы дышим	14
Воздух среды	16
Коллективные убеждения	17
Культурные фильтры	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Невидимые линзы

Рецензия

«Книга Романа о ресурсах нашей субъективности по-настоящему вдохновляет и легко читается. У него живой стиль и увлекательное повествование. Он тонко подмечает важные метафоры — например, идею “линзы”, которая помогает по-новому взглянуть на знакомые темы.

Текст наполнен точными деталями, которые создают атмосферу и поддерживают интерес на протяжении всей книги. Каждая глава логично подводит к следующей, а выводы оставляют приятное послевкусие и желание размышлять дальше.

Рекомендую всем, кому интересны самопознание и внутренние ресурсы».

Петрушин Сергей Владимирович

доктор психологических наук

О чём эта книга

Когда мы хотим сохранить что-то важное, мы достаём фотоаппарат. Мы фотографируем горы, море, лица близких людей, рассветы, улицы незнакомых городов. Мы умеем останавливать мгновения внешней реальности.

Но почти никогда не пытаемся сделать то же самое с миром внутренним.

Мы не фотографируем свои страхи. Не замечаем убеждений, через которые смотрим на жизнь. Не видим привычных сценариев, по которым принимаем решения. Не можем показать другому человеку, как выглядят наши ожидания, внутренние запреты, сомнения или надежды. Всё это остаётся невидимым — нередко даже для нас самих.

Эта книга — попытка сделать именно такие снимки.

Не фотографии событий.

А фотографии внутренней психической реальности.

Фотографии того, как появляются мысли. Как постепенно возникают внутренние ограничения. Как порой страх говорит голосом здравого смысла. Как убеждения становятся воздухом, которым мы дышим. Как одна и та же ситуация меняется в зависимости от тех внутренних «линз», через которые мы на неё смотрим.

Эта книга не стремится дать готовые ответы и не претендует на роль универсальной инструкции по жизни.

Она не пытается объяснить, как устроен мир на самом деле. Её интересует более скромный вопрос: что становится для человека заметным, значимым и возможным, когда в восприятии участвуют его опыт, убеждения, привычные способы думать и чувствовать.

Потому что трудно изменить то, что остаётся для нас невидимым.

Каждая глава — это ещё одна попытка остановиться, приблизить изображение и внимательно рассмотреть какой-то фрагмент внутреннего мира. Не для того, чтобы поставить диагноз или навесить ярлык, а для того, чтобы увидеть немного больше, чем удавалось раньше.

Есть мысль, которая сопровождает меня уже много лет.

Мы не встречаем реальность с точки зрения «ниоткуда». В том, что становится для нас заметным и значимым, участвуют внимание, тело, опыт, язык и текущие потребности.

В этой книге я буду различать реальность и её картину. Реальностью я называю события, обстоятельства, действия других людей и ограничения, с которыми мы сталкиваемся. Картиной реальности — то, как всё это воспринято, связано и истолковано.

«Невидимая линза» здесь — не отдельный орган и не доказанный самостоятельный механизм психики. Это авторский образ для разных влияний: страха, среды, биографических паттернов, потребностей, границ, роли, масштаба и языка вопроса.

Выбор в этой книге тоже не означает безграничной свободы. Он начинается с возможности заметить больше одного продолжения, проверить его по фактам и соотнести с ресурсами, последствиями и границами других людей.

Фотография не является нейтральной копией реальности: фотограф выбирает кадр, момент и угол, а что-то неизбежно оставляет за границей. Мне хочется верить, что эта книга устроена похожим образом: не подменяет жизнь снимком, а помогает увидеть работу отбора — и вместе с ним новые детали, связи и варианты действия.

Глава 1

Когда страх говорит голосом разума

Одну особенность страха я заметил далеко не сразу.

Он не обязательно говорит: «Не делай этого».

Так было бы слишком прямолинейно. Слишком заметно.

Иногда он предлагает другое: подождать. Ещё немного подготовиться, собрать больше информации, набраться опыта, дожидаться подходящего момента.

Сначала привести себя в форму. Заработать денег. Решить другие вопросы. Выучить английский.

Сначала...

Часть этих доводов действительно может быть разумной.

Но бывает, что за ними скрывается не подготовка.

А откладывание.

Мысль кажется настолько логичной, что не вызывает подозрений. Я не отказываюсь от цели — лишь переносу её на потом.

На неделю, на месяц, на следующий год, на более подходящий период жизни.

Именно поэтому страх не всегда легко заметить.

Он может выглядеть не как запрет, а как здравый смысл, осторожность, ответственность или зрелый подход к жизни.

Но если внимательно прислушаться, иногда за всеми этими объяснениями можно услышать одну и ту же фразу:

— Только не сейчас.

Много лет назад на одной стройке жил сторожевой пёс. Кажется, кавказская овчарка. Огромный, мощный, внушительный. Его звали Борзой.

Он сидел на цепи рядом с летним душем и пугал всех, кто пытался приблизиться.

В первый раз, когда после рабочего дня мне понадобилось в душ, я с опаской смотрел на этого здоровенного пса и не понимал, как к нему вообще подойти. Борзой выглядел так, будто в любой момент мог кинуться.

Сенсей, наблюдавший за этой сценой, заметил мои сомнения и сказал:

— Да ты просто наедь на него.

Я решил попробовать. Грозно посмотрел на Борзого, что-то сказал ему повелительным, почти хозяйским тоном. Всем своим видом попытался показать: это не я его боюсь — это он должен освободить мне дорогу.

Хотя внутри никакой уверенности у меня не было.

Я блефовал.

Сначала Борзой замер и недоверчиво смотрел на меня.

Я, конечно, не мог знать, что происходило у него внутри. Но со стороны всё выглядело так, словно он колебался, в какую из двух реальностей ему теперь верить.

В одной я только что боялся к нему приблизиться.

В другой тот же самый человек вдруг заговорил с ним по-хозяйски, словно всегда имел право командовать.

Эти колебания были заметны по всей его позе. Он ещё не подчинился, но прежней уверенности в его поведении уже не было.

В какой-то момент, как мне показалось, верх взяла осторожность.

Борзой прижал уши, весь как будто уменьшился, принял покорную позу и отошёл подальше от душевой.

Это произошло почти мгновенно. Я прошёл к душевой.

И тогда я заметил: в тот раз мне не понадобилось сначала перестать бояться, чтобы действовать уверенно.

Я на время изобразил уверенность, которой внутри ещё не было.

Страх словно предлагал одну последовательность: сначала почувствуй себя уверенно — потом действуй. Но в тот раз всё произошло наоборот. Я начал действовать уверенно — пусть и блефуя, — и только потом обнаружил, что смог выдержать ситуацию.

Конечно, из этого не следует, что на любое опасное животное стоит идти с одним лишь напором. Борзой сидел на цепи, и этот способ сработал в конкретной ситуации. Показная уверенность не отменяет реального риска.

Но в тот раз она помогла мне не позволить страху заранее решить, что я могу, а чего не могу.

Иногда страх возникает в ответ на непосредственную угрозу.

В других случаях мы заранее переживаем то, что только может произойти, — состояние, которое точнее назвать тревогой или ожиданием опасности. В повседневной речи эти переживания часто объединяются словом «страх», и дальше я тоже иногда буду им пользоваться.¹

Но происходящая сейчас угроза и ожидание возможной угрозы — не одно и то же.

Спустя много лет похожая история произошла со мной на море.

Мы с другом отдыхали в окрестностях Сочи и увидели людей, которые прыгали с волнолома в набегающие волны.

Со стороны всё выглядело легко.

Весело.

Даже немного беззаботно.

Через некоторое время мы тоже решили попробовать.

Но стоило мне подняться на волнолом и посмотреть вниз, как всё изменилось.

Только что это было развлечением.

Теперь — прыжком в пропасть.

Я отчётливо почувствовал внутренний барьер.

Не как мысль — как почти физическое сопротивление.

Всё внутри говорило:

— Не надо.

— Не прыгай.

— Это плохая идея.

И всё же меня удивляло другое.

Когда-то раньше я спокойно прыгал с похожих высот.

Что изменилось?

Конечно, прежний опыт ещё не означал, что этот прыжок безопасен. Место было другим, и реальную обстановку нужно было оценивать заново.

Но я чувствовал: к оценке риска уже примешивалась картина, которую успел нарисовать страх.

И именно она звучала как голос здравого смысла.

Но была и другая мысль.

Я прекрасно понимал: если сейчас включу заднюю и не прыгну, потом буду об этом жалеть.

Может быть, не слишком сильно. Но это сожаление всё равно останется и будет понемногу подтачивать меня изнутри.

Поэтому я не уходил.

Минут десять, двадцать, а может, и дольше я стоял на волноломе, вёл с собой переговоры и ждал момента, когда внутри всё-таки созреет решение прыгнуть.

Наконец оно появилось.

¹ О различии непосредственной и потенциальной угрозы: NIMH; LeDoux & Pine, 2016.

Я сделал шаг.
В тот момент, когда опора исчезла из-под ног, внутри всё сжалось.
На долю секунды промелькнула мысль:
— Ну вот и всё.
Потом была вода.
Погружение.
Я вынырнул.
И почти сразу почувствовал, что страх начал уменьшаться.
Второй прыжок дался легче.
Третий — ещё легче.
Потом ещё один.
А вскоре от первоначального страха почти ничего не осталось.
Но само уменьшение страха ещё ничего не говорило о безопасности. Привыкнуть можно и к опасному действию.
Поэтому вопрос был не в том, бояться или не бояться.
Важно было различить то, о чём действительно говорила сама обстановка — высота, вода, волна, возможность безопасно выбраться, — и то, что к ней добавлял мой прогноз.
В другой раз никакой физической опасности не было.
Однажды я стоял возле магазина. Покупку уже сделал, никуда не спешил и думал, куда идти дальше.
И вдруг увидел красивую девушку.
Она была в моём вкусе.
Наши взгляды встретились.
Мне показалось, что с её стороны тоже мелькнул интерес.
Совсем небольшой.
Но этого оказалось достаточно, чтобы внутри начался знакомый диалог.
Подойти или нет?
А вдруг она откажет?
А вдруг я буду выглядеть глупо?
А вдруг скажу что-нибудь не то?
А вдруг поставлю себя в неловкое положение?
Всё это происходило ещё до того, как в реальности случилось хоть что-нибудь.
Она ещё ничего не сказала.
Я ещё даже не подошёл.
Но внутри уже разворачивался целый фильм.
В тот момент я вспомнил мысль, которая когда-то мне понравилась: реальный ответ, каким бы он ни оказался, легче долгого сожаления о возможности, которую даже не попытался проверить.
Я подошёл.
Поздоровался.
Сказал, что она мне понравилась и я хотел бы познакомиться.
Она улыбнулась и очень спокойно ответила, что уже встречается с парнем и поэтому не знакомится на улице.
Мы попрощались.
Я пошёл дальше.
И почти сразу заметил интересную вещь.
Да, было немного досадно.
Но никакой катастрофы не произошло.
Мир не рухнул.

Не случилось ничего из того, что воображение успело нарисовать за несколько минут до этого.

Оказалось, что в этой ситуации ожидание отказа было намного тяжелее самого отказа.

Но бывают ситуации, в которых опасность вполне реальна.

И даже тогда страх способен показать не всю картину.

Мне было около двадцати лет.

Я шёл на занятия балльными танцами через один из районов города.

В какой-то момент увидел неприятную сцену.

Крупный подвыпивший мужчина удерживал двух испуганных девушек-подростков и что-то говорил им с такой самодовольной улыбкой, будто был уверен, что ему всё сойдёт с рук.

Я понимал: пройти мимо не могу.

Но не сразу понял, как вмешаться.

К тому времени у меня уже был значительный опыт уличных драк.

Именно поэтому ещё одной драки я не хотел.

Я помнил одну из заповедей основателя стиля, в котором тренировался:

— Лучший бой — тот, который не состоялся. Когда дерутся два тигра, один погибает, а второй остаётся тяжело раненым.

По виду и поведению мужчины я не мог исключить, что при нём есть оружие.

В тот момент мне виделись только два варианта.

Пройти мимо.

Или драться.

Всё остальное будто исчезло из поля зрения.

Но потом нашёлся третий.

Я подошёл к нему так, словно мы давно знакомы.

Назвал его первым пришедшим в голову именем.

Начал рассказывать придуманную на ходу историю об общих знакомых.

Постепенно его внимание переключилось с девушек на меня.

Они ушли.

Потом ушёл и он.

Ситуация разрешилась без драки.

Без геройства.

Без победителей и побеждённых.

И только много позже я понял: тот случай показал мне ещё одну особенность страха.

Страх способен не только преувеличивать опасность.

При тревоге внимание может смещаться к угрозе, и из-за этого часть вариантов иногда остаётся вне поля зрения.²

Во всех этих историях повторялся один мотив: я реагировал не только на происходящее, но и на собственный прогноз — на то, что могло случиться и что рисовало воображение.

Психология давно исследует связь эмоций с оценкой ситуации.

Человек реагирует не только на событие, но и на то, какое значение ему придаёт, какую историю о нём рассказывает.

Поэтому одни и те же обстоятельства могут переживаться по-разному: люди выделяют разные детали, по-разному их оценивают и связывают с прошлым опытом.³

Они находятся в общей реальности,

но строят разные картины происходящего.

Но здесь возникает ещё один уровень.

² О смещении внимания к угрозе при тревожности: Bar-Haim et al., 2007; эффект не универсален для любого страха.

³ О связи когнитивной оценки и эмоций: Yeo & Ong, 2024.

Даже то, что я называю фактами, не появляется передо мной готовым списком. Из всего происходящего я уже выделяю одни детали и оставляю в фоне другие. Я замечаю размеры Борзого, его рычание и собственное напряжение.

Сенсей, наблюдавший за сценой, замечает ещё и возможность попробовать изменить поведение пса.

Мы видим одну ситуацию, но из разных позиций замечаем в ней разные стороны и возможности.

Это не означает, что фактов не существует и любую реальность можно придумать.

Длина цепи, поведение пса, высота волнолома и состояние воды не зависят от моего желания.

Но точка наблюдения участвует в том, какие из этих обстоятельств я замечу, какое значение им придам и какие действия вообще увижу.

В фильме «Области тьмы» есть сцена, почти буквально показывающая такой внутренний поворот.⁴

Главный герой оказывается на станции метро перед группой мужчин.

Первая мысль звучит примерно так:

— Драка? Я не умею драться.

И тут же возникает продолжение:

— Или умею?

На внутреннем экране вспыхивают фрагменты всего, что он когда-то видел: сцены с Брюсом Ли, боксёрские поединки, учебный ролик по борьбе.

Герой словно на мгновение выходит из привычного представления о себе, видит ситуацию со стороны и обнаруживает в памяти то, что прежде не считал доступным ресурсом.

В фильме это происходит благодаря вымышленному препарату NZT и выглядит почти сверхчеловечески.

В жизни увиденный когда-то приём не делает человека бойцом, а смена точки зрения не отменяет оружия, превосходства сил и реального риска.

Но как метафора эта сцена точна.

Фраза «я не умею» сначала звучит как окончательное описание себя и будущего.

Короткое «или умею?» не доказывает обратного.

Оно разрывает привычный ход мысли и создаёт паузу, в которой можно спросить: что я действительно умею? Что могу вспомнить? Какие варианты не замечаю, потому что уже считаю исход решённым?

Так появляется возможность немного отстраниться от текущей картины.⁵

Не вытеснить страх и не убедить себя, что опасности нет, а заметить: сейчас я смотрю на происходящее изнутри страха.

Страх реален как переживание, но нарисованная им картина не становится от этого всей реальностью.

Я могу чувствовать страх, не превращая его в приказ.

Могу увидеть свою первую реакцию со стороны, изменить позицию наблюдения и только затем решить, как действовать.

Если продолжить метафору, страх — талантливый художник: он способен преувеличивать угрозу, прятать возможности и выдавать прогноз за факт.

Поэтому вопрос не в том, чтобы перестать бояться.

⁴ Сцена: «Области тьмы» (Limitless, 2011), реж. Нил Бёргер; здесь передан смысл сцены, а не дословная цитата.

⁵ Здесь речь не о клинической диссоциации, а о децентрировании и самодистанцировании: Bernstein et al., 2015; Kross & Ayduk, 2011.

Иногда страх оказывается точнее беспечного оптимизма: он замечает риск, который хотелось бы проигнорировать.

Поэтому задача не в том, чтобы объявить страх помехой и перестать с ним считаться.

Его прогноз полезно проверять: возвращаться к наблюдаемым обстоятельствам, сопоставлять разные точки зрения, опираться на опыт и совет компетентного человека, а если возможно — совершать безопасное пробное действие.

Вопрос в другом: как отличить наблюдаемую опасность от картины, которую к ней добавляет страх?

Для этого полезно время от времени спрашивать себя:

Что именно я сейчас наблюдаю — и что уже интерпретирую?

Из какой точки я смотрю на ситуацию — и что при таком взгляде остаётся незаметным?

Какие признаки говорят о непосредственной опасности — а какие добавляет мой прогноз?

Я действительно готовлюсь — или уже подчинился прогнозу и поэтому откладываю действие?

Что может стать заметным, если я изменю позицию наблюдения, — и какое безопасное действие позволит проверить эту версию?

* * *

У любой такой истории есть происхождение: язык, знакомые образы и представления о том, что опасно, допустимо и разумно.

Часть её рождается из личного опыта.

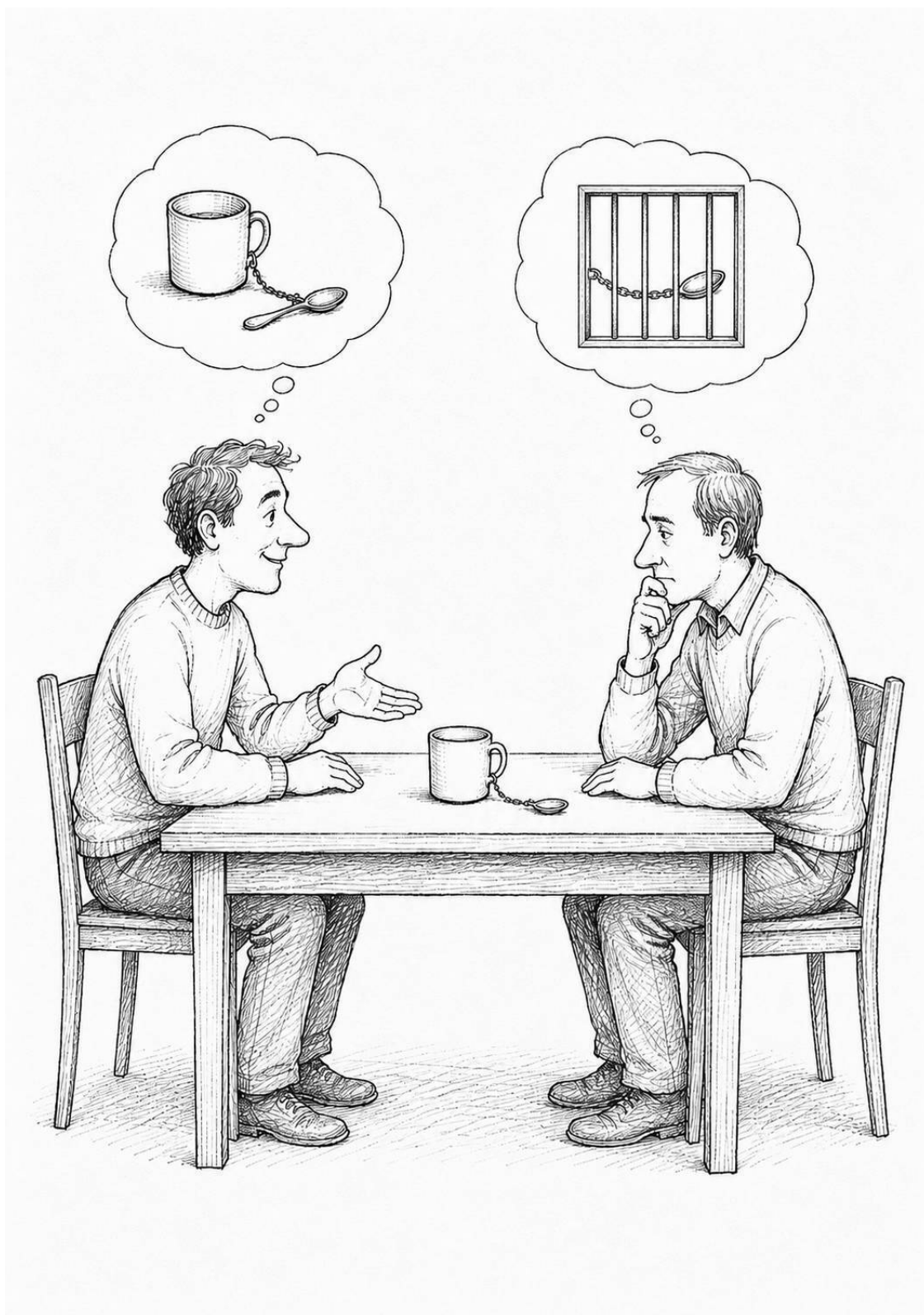
Многое мы слышим в семье, замечаем в реакциях окружающих и впитываем из среды.

Поэтому вслед за вопросом о том, что сейчас рисует страх, появляется другой: откуда он взял краски?

Иногда история кажется реальностью лишь потому, что слишком долго была очевидна всем вокруг.

Глава 2

Воздух, которым мы дышим

Недавно разговор с коллегой неожиданно начался с обычной чайной ложки.

В какой-то момент я заметил, что моя ложка куда-то пропала. В ответ коллега рассказал: на одной из вахт ложки исчезали постоянно, и однажды он решил эту проблему по-своему.

Принёс свою ложку, просверлил в ней небольшое отверстие, прикрепил цепочку и соединил её с кружкой.

Решение было простым и практичным: ложка всегда оставалась рядом.

Через некоторое время эту конструкцию увидел другой человек. Его реакция оказалась неожиданной.

Он сказал, что в той среде, из которой пришёл, ложка на цепочке имела совершенно другой смысл и вызывала вполне определённые ассоциации.

Для моего коллеги это был способ не потерять ложку. Для другого человека — уже не бытовое решение, а предмет, связанный с совсем иной системой смыслов.

Ложка. Цепочка. Кружка.

Предметы оставались теми же.

Но вместе с контекстом менялся смысл.

Меня зацепила именно эта разница между двумя взглядами.

Смысл не заключён в вещи целиком и не создаётся человеком в одиночку. Он возникает между вещью, контекстом, культурной практикой и опытом наблюдателя.

Поэтому одна фраза может прозвучать как шутка или оскорбление, один жест — как уважение или пренебрежение, а одно и то же действие — как забота или контроль.⁶

В этой главе такой линзой становится среда: привычный контекст направляет внимание и подсказывает значения, но не определяет их жёстко.

Мы не всегда замечаем участие среды. То, к чему мы давно привыкли, может восприниматься как естественный порядок вещей.

Правила и убеждения уходят в фон — как воздух, который постоянно вокруг и именно поэтому почти незаметен.

⁶ О культурно общих и специфичных значениях жестов: Matsumoto & Hwang, 2013.

Воздух среды

Переезд, новая работа или незнакомая компания часто делают среду заметной. То, что прежде казалось нормальным, в новом окружении может вызвать удивление. И наоборот: вчерашняя странность через некоторое время становится привычной.

Постепенно мы осваиваем правила новой среды, её манеру общения и границы допустимого. Всё это входит во внутреннюю карту мира.

Для одного нормально часто менять работу, для другого это безответственность. Один воспринимает переезд как приключение, другой — почти как катастрофу. В одной среде открытый разговор о чувствах естественен, в другой считается проявлением слабости.

Изнутри собственной картины мира такая оценка ощущается не просто как мнение, а как точное описание реальности.

Для передачи таких норм редко нужен прямой приказ. Они распространяются через реакции, шутки, истории и знакомые формулы: «все нормальные люди так делают», «так принято», «так всегда было».

Через одобрение и неодобрение.⁷

Так среда сообщает, что здесь считается правильным. И это не обязательно плохо: норма может хранить практическое знание о безопасности, взаимности и координации.

Семья, команда и общество нуждаются в правилах. Их происхождение из среды само по себе не делает их ложными или подавляющими.

Проблема начинается, когда правило перестают отличать от закона природы, а привычку — от истины.

В одних культурах социальные нормы сильнее, а терпимость к отклонению от них ниже, чем в других.⁸ Для отдельного человека линза среды становится особенно жёсткой, когда мнение группы начинает восприниматься как единственно возможный взгляд на мир.

Тогда пространство вариантов может незаметно сужаться — не из-за прямого запрета, а потому, что некоторые альтернативы всё реже попадают в поле зрения.

Мы не отвергаем их — просто не рассматриваем.

Они оказываются за пределами видимой карты.

Иногда так возникают ограничения, действующие уже не снаружи, а изнутри.

Они не ощущаются как запрет.

Они выглядят как здравый смысл.

Как очевидность.

Как воздух, которым все вокруг дышат уже много лет.

И именно поэтому заметить их бывает так трудно.

⁷ О влиянии описательных и предписывающих норм: Cialdini et al., 1990; Zou et al., 2009.

⁸ О «жёстких» и «свободных» культурах: Gelfand et al., 2011.

Коллективные убеждения

Убеждения живут не только внутри отдельных людей. Они поддерживаются и передаются внутри семей, рабочих коллективов, профессиональных сообществ, городов и стран.

В одном коллективе принято просить помощи, в другом — справляться самостоятельно. Где-то ошибка считается частью обучения, а где-то — поводом для осуждения. В одной семье о чувствах говорят, в другой их привычно оставляют при себе.

Когда человек долго живёт внутри такой системы, некоторые её правила могут начать казаться естественными. Это ещё не значит, что он однажды рассмотрел их и сознательно принял. Иногда другие варианты просто слишком редко попадали в поле зрения.

Поэтому один и тот же поступок может получать разные оценки. Там, где один видит ответственность, другой замечает контроль. То, что в одной среде считают осторожностью, в другой могут назвать страхом. Инициатива для одних будет достоинством, для других — нарушением порядка.

Но различие взглядов не означает, что фактов не существует и все интерпретации одинаково точны.

Понять, из какой системы координат возникла чужая оценка, — ещё не значит с ней согласиться. Это лишь даёт возможность увидеть действие нескольких фильтров, а затем сверить каждую интерпретацию с наблюдаемыми обстоятельствами и последствиями.⁹

⁹ О культурных различиях в причинных объяснениях и наивном реализме: Morris & Peng, 1994; Robinson et al., 1995.

Культурные фильтры

На то, что мы замечаем в происходящем и как его объясняем, влияет накопленный опыт — в том числе воспитание, окружение и истории, которые мы слышали много лет подряд.

Язык и культура могут делать одни различия и связи заметнее других, но не определяют мировоззрение человека жёстко.¹⁰

Каждый из этих фильтров помогает нам осмыслять реальность.

Без них было бы гораздо труднее ориентироваться в происходящем и быстро принимать решения.

Но у фильтров есть особенность.

Со временем они могут становиться почти невидимыми.

Мы продолжаем смотреть через них.

Но перестаём замечать их участие в том, что считаем очевидным.

Особенно трудно различить такое влияние изнутри привычной среды.

Привычные фильтры можно сравнить с очками.

Если носить их достаточно долго, в какой-то момент мы можем перестать ощущать оправу на лице.

Мы по-прежнему смотрим через линзы, но уже не замечаем их.

Так и привычный способ видеть мир постепенно перестаёт казаться одним из возможных и начинает выглядеть как сама реальность.

Возможно, именно поэтому встреча с непривычным взглядом иногда оказывается так полезна.

¹⁰ О влиянии языка и культуры на отдельные задачи восприятия: Winawer et al., 2007; Kitayama et al., 2003.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.